

Марк Аврелий

Введение

Огромное место занимала философия в культурном обиходе Римской империи. Она должна была как бы заменить ту “древнюю доблесть”, которая считалась достоянием исконного нравственного уклада, но которая, по общему признанию, могла сохраниться лишь при безвозвратно утраченной простоте и элементарности жизни. Философии предназначалось руководство нравственной жизнью отдельного человека и целого общества ; с другой стороны, она выполняла как бы функции религии, сама отделяясь от последней все менее и менее явственной чертой. Поскольку религия продолжала охранять и освящать данный государственный порядок, она сосредоточивалась в культе императоров - здесь рядом с личным облагодетельствием, имевшим столько образцов в греческом мире, содержался апофеоз государства. За пределом этого политического исповедания оставалась область возрастающего религиозного синкретизма : греко-римский пантеон постоянно заслонялся восточными образами, и культ населения империи, начиная с Рима, как нельзя более отражал ее этнографическую и культурную пестроту.

Основная часть

Величайшим почитателем и поклонником Эпиктета был Марк Аврелий, последний значительный римский стоик, философия которого может рассматриваться как последнее завершение античного стоицизма и одновременно его полный внутренний распад.

Марк Аврелий родился в Риме в богатой патрицианской семье. Марк Анний Вер, ставший впоследствии, после того как Антонин усыновил его, Марком Аврелием Антонином, родился в 121 году. Его отец умер в весьма юном возрасте, и главная забота о воспитании Марка пала на его деда Анния Вера, который был дважды консулом и, по-видимому, пользовался расположением императора Адриана, состоявшего с ним в отдаленном родстве. Автор “Размышлений” был всегда проникнут чувством благодарности к людям, которым он считал себя обязанным.

Марк получил домашнее образование и еще в детстве подпал под влияние своего учителя - стоика. Марк влюбился в стоическую философию и оставался ее приверженцем до конца своих дней. Его необыкновенные способности были вскоре замечены, и правящий император Антонин Пий, полагая, что жить ему осталось недолго, усыновил приходящегося ему племянником Марка, дал ему родовое имя Антонин и стал готовить приемного сына принять бразды правления в свои руки. Однако Антонин прожил дольше, чем ожидалось, так что Марк встал во главе державы только в 161 году.

Для Марка Аврелия переход к императорской власти не представлял чего-нибудь особенного, не являлся переломом в его внутренней и даже внешней жизни. Он не захотел быть даже единоличным правителем и взял в со товарищи своего приемного брата Луция Вера, также получившего титул Августа. Последний, однако, при своем бездеятельном и распущенном характере не оказывал императору никакой помощи и нередко оказывался существенной помехой в делах ; впрочем, и к нему Марк Аврелий относился со своим обычным неистощимым терпением и снисходительностью.

За девятнадцать лет царствования Марка империи довелось перенести немало испытаний. Стихийные бедствия, эпидемия, нагрянувшая с Востока и унесшая множество жизней, постоянные военные столкновения, главным образом с варварскими племенами, угрожавшими границам римской территории, особенно вдоль берегов Дуная. Почти половину своего правления Марк провел на передовой вместе с воинами, и отдельные части “Размышлений” писались в походной палатке, вероятно, ночью, когда остальное войско вкушало сон.

Марк Аврелий был стоиком. Следовательно, для понимания его философии необходимо иметь некоторое представление о стоическом учении. Стоицизм был одной из ведущих философских школ эллинистического и римского периодов. Хотя его предтечами были ранние философы - особенно Гераклит и Сократ, - как отдельное философское течение он сформировался около 300 г. до н.э., когда в Афины прибыл с Кипра Зенон (ок.336 - 264 гг. до н.э.) и начал учить в Стое, или крытой рыночной площади.

Зенон и его преемники развили целостную философскую систему, включившую в себя эпистемологию, метафизику, логику, этику, политическую философию религии. Сердцевиной этой системы был метафизический материализм, который, не будучи столь интеллектуально изощрен, как атонизм

Демокрита, все же позволил стоикам описывать вселенную как чисто природную целостность, функционирующую сообразно закону, и тем самым найти онтологическую нишу для Бога. Хотя с логической точки зрения такое сочетание было не слишком жизнеспособно, оно предоставило стоикам структуру, вокруг которой строилась вся стоическая философия.

Стоицизм пришел в Рим вскоре после того, как в середине второго века до н.э. римское оружие покорило Грецию. В период ранней империи он играл ведущую роль в умственной жизни Рима. Двумя важнейшими римскими стоиками стали император Марк Аврелий (121 - 180 гг. н.э.) и раб Эпиктет (ок. 50 - ок. 125 гг. н.э.).

Стоики не смотря на целый ряд своих созвучных христианству идей, оставались язычниками, например Марк Аврелий, хотя и “по долгу службы”, все-таки и организовал гонение на христиан. Но это родство не следует и игнорировать. И может быть, самое глубокое родство между стоицизмом и христианством следует искать не в совпадении отдельных мыслей и высказываний, а в том самоуглублении личности, на котором история стоицизма закончилась и история христианства началась.

Переворот, совершенный стоиками в философии, можно назвать, если воспользоваться современным термином, “экзистенциальным”: чем безразличнее становится становился стоический мудрец к окружающему его миру (в том числе и к социальному), тем сильнее он проникал в сокровенные глубины собственного Я, обнаруживая в своей личности целую воеленную ранее совершенно ему неведомую и недоступную. В “Размышлениях Марка Аврелия достигнута, по-видимому, предельная глубина самосознания и воспедаальности, доступные античному человеку. Без этого открытия “внутреннего мира” человека (“внутреннего человека”, по терминологии Нового Завета), совершенного стоиками, едва ли была бы возможна победа христианства. Поэтому римский стоицизм можно назвать, в определенном смысле, рассматривать как “подготовительную школу” христианства, а самих стоиков - как ” исктелей Бога ”.

“Размышления”

К произведениям подобным “Размышлениям” нужно относиться с крайней осторожностью. Но у Марка Аврелия философия не расходится с текущей работой, и опыт императора ни в чем не опровергает самых продуманных и прочувствованных его мыслей. Важно не то, что Марк Аврелий окружил себя философами риторам, что он сделал государственными людьми своих старых наставников, что среди консулов и проконсулов его царствования мы находим Ирода Аттика, Фронтон, Юлия Рустика, Клавдия Севера, Прокула. Важнее, что в его собственном сознании между философией и жизненной практикой не существует никакого антагонизма. Тезис гласящий, что философское исповедание может ни к чему не обязывать, представился бы ему чудовищным. В этом смысле Марк Аврелий скорее может напоминать о деятелях средневековой теократии, для которых *temporalia* отнюдь не должны расходиться со *spiritualia*. Известно, какие неразрешимые конфликты возникали на этой почве между убежденными требованиями церкви и инстинктом самосохранения у светского государства.

“Размышления” не назовешь обычным философским трактатом. Скорее это сочетание интеллектуальной автобиографии и серии овещеваний, обращенных автором к самому себе и указывающих, как должно действовать не только в повседневных делах, но и в жизни в целом. И, действительно, заглавие, которое дал Марк своему сочинению, - Не “Размышления”, но греческая фраза, которую можно перевести как “ мысли, обращенные к самому себе “. Так как “Размышления” обращались к самому автору и, по - видимому, не предназначались к обнародованию, им не достает завершенности правильного философского трактата. Мысли зачастую фрагментальны, грешат самоповторами, а весь том сочинения - чрезвычайно личный. В итоге порой трудно понять, что хочет сказать автор, или проследить за линией аргументации, приводящей его к тому или иному выводу. Тем не менее “Размышления” содержат философское учение, которое является Аврелиевским изводом стоицизма.

“Размышления” Марка разделяются на книги и главы - но их порядок чисто внешний. Некоторым единством обладает лишь первая книга, где Марк Аврелий вспоминает своих родных, наставников и близких людей и объясняет, чем он им обязан, заканчивая перечислением всего того, чем он обязан богам. Мы имеем своеобразный дневник - не внешних событий, а мыслей и настроений, более важных в глазах автора, чем внешние события. Можно сказать, что “Размышления” представляют полную противоположность другой книге, которая также писалась среди военных тревог - Комментариям о галльской войне Юлия Цезаря. Здесь заботливо устранено всякое проникновение в глубь душевных

переживаний, весь интерес также исключительно поглощен объективным миром, как у Марка Аврелия миром субъективным. Марк Аврелий обращался лишь к самому себе - он хотел закрепить переживания, которые могли служить моральной поддержкой и побуждением. Никогда не думал он этими строками влиять на других или исправлять их. Отсюда глубокая искренность, которая интуитивно воспринимается всяким читателем “Размышлений” и которой так не достает многим автобиографиям и исповедям, отсюда и непринужденность формы : Марк Аврелий не искал ее, как не ищут, делая отметки на полях книги. Нет риторических забот, но выражение всегда точно и ясно передает не только мысль, но и окружающий ее душевный фон.

Отсутствию внешнего плана соответствует и в содержании отсутствие чего-нибудь напоминающего философскую систему. Весьма часто в тексте мы встречаем слово, которое постоянно напоминает насколько существенны для каждого человека эти руководящие им начала. Как далеко, однако, это греческое слово от современного придаваемого ему значения ; догматизм совершенно чужд Марку Аврелию это черта, бросающаяся в глаза сразу. Нет ничего ошибочнее в этом смысле видеть в нем догматического последователя стоицизма.

Прежде всего прочность моральных истин не связана для него с тем или другим представлением о мире. У него нет определенной космологии - хотя бы той, которую выработал стоицизм. Он склоняется к этой последней в ее общих чертах, но достоверность ее нигде не стоит для него вровень с достоверностью нравственных начал, к которым обращается человек. Дело не только в том, что интерес Марка Аврелия сосредоточен на этих последних, как это вообще мы наблюдаем в позднейшем стоицизме, и не только в его сомнениях относительно возможности постигнуть физическую истину ; для него, если даже правы не стоики, а эпикурейцы, и, если миром управляет не единый закон, а самый случай, если все сводится к игре атомов, побуждения человека к добру этим не устраняются и привязанность к миру не усиливается. Эта мысль повторяется чрезвычайно часто.

Поэтому, когда в “Размышлениях” мы читаем, что человеческому телу свойственны элементы, огненные, воздушные, водяные и земляные, автор пользуется лишь распространенной гипотезой, не возводя ее на степень категорической истины.

Это отсутствие догматизма освобождает от сектанского духа, от преувеличенного прославления одной философской школы за счет других. Когда Марк Аврелий находит родственные ему мысли у Эпикура, он не боится их брать, не боится и признавать в представителе гедонистической философии мудрого учителя жизни.

Догматизм религиозный присущ “Размышлениям” не в большей мере, чем догматизм философский. Ни один не может притязать на исключительное право раскрытия людям божественной тайны. Одно представлялось Марку Аврелию несомненным : наличие в мире божества ; атеизм противоразумен. Но что представляют эти боги, являются ли они лишь аспектами созидающего разума о котором учили стоики и на который часто ссылается Марк Аврелий? Несомненно, мы найдем у него тенденцию к монотеизму. Если мир един, то един наполняющий его бог, един и общий закон, едина и истина. Учение о посредниках между божеством и человеком, та демонология, которая так принялась на почве религиозно философского синкретизма, остается ему чуждой. Общение человека с божеством осуществляется прежде всего самопознанием, а затем и молитвой. По-видимому, для Марка Аврелия первое может заменять второе : молитвы есть ее лишь словесное выражение внутреннего чувства, и как таковое она должна быть проста и свободна наподобии приводимой им молитвы афинян о дожде.

Место человека в мире изображается в “Размышлениях” в двух как бы противоположных аспектах. С одной стороны, постоянно возвращаются напоминания о всей эфемерности человеческой жизни. Земля есть лишь точка в бесконечном пространстве, Европа и Азия лишь уголки мира, человек - ничтожный миг времени. Огромное большинство исчезает из памяти окружающих ; лишь некоторые превращались в мифы, но и эти мифы обречены на забвение. Нет более суетной заботы, чем забота о посмертной славе. Реален лишь настоящий миг - но что он значит перед лицом бесконечности в прошлом и бесконечности в будущем? И все-таки человеческий дух есть высшее, что мы находим в мире ; по образцу его мы представляем душу целого. Человек не есть его поступки ; вся его ценность лежит в его душе. И опять - так Марк Аврелий и здесь остается чуждым какому-либо антропологическому догматизму ; нельзя признать за последний указание, что человеку присущи три элемента : телесный, жизненный и разумный или что душе присуща сферическая форма. Господствующий мотив Марка Аврелия и здесь чисто этический.

Человек есть частица мира; его поведение входит в общий план судьбы или промысла. Самое чувство гнева должно падать, когда мы вспомним, что порочный не мог действовать вопреки своей природе. Но это не значит, чтобы у человека была отнята всякая свобода и с него снята всякая ответственность. Марк Аврелий подошел к великой философской проблеме необходимости и свободы, разрешить которую в пределах стоического детерминизма ; он, естественно, не был в состоянии. Его понимание этики осталось слишком интеллектуалистическим. Грех - в основе заблуждение и незнание. И в глазах Марка Аврелия, не по своему выбору, но всегда вопреки себе человеческая душа лишается истины - равным образом справедливости и, благополучия, кротости. Как всегда в интеллектуалистической этике, проблема зла лишается своей трагической безвыходности, и нет необходимости в искуплении, которое превышало бы человеческие силы. С другой стороны, фатализм Марка Аврелия совершенно свободен от той беспощадности в оценке заблуждающихся и погрешающих, которая так часто вырабатывается на почве религиозной веры в предопределение - хотя бы в кальвинизме.

Марк Аврелий никогда не был другом христиан. Единственное место в его “Размышлениях”, где упоминается о христианах, показывает, что он оставался холодным перед их готовностью принять мученье и смерть за свое исповедание ; в этой готовности он усматривал даже нечто суетное и театральное.

Возможно, ввиду более практического подхода к жизни римские стоики сосредотачивали свое внимание на запутанных проблемах логики и метафизики меньше, чем их греческие предшественники. Вместо этого они чаще всего принимали основополагающую структуру стоицизма в том виде, в каком она дошла до них, и посвящали себя этической и социальной стороне стоической философии. Это полностью относится к Марку, как и к жившему за век до него Эпиктету. Кроме того, Марка весьма интересовала религия, и “Размышления” сплошь усеяны пассажами, подчеркивающими теологические аспекты стоической онтологии.

Чтобы понять стоицизм Марка во всей его целостности, необходимо отправляться от его метафизики. Здесь он в целом ортодоксален : вселенная - это материальный организм, состоящий из четырех основных элементов. Все случающееся причинно обусловлено, поэтому в мире нет места случайности. Другим способом выразить ту же мысль, на котором делает акцент Марк, является утверждение, что вселенная управляется законом и порядок вещей есть манифестация разума. Из этого, по мысли Марка, следует, что существующий правящий вселенной разумный законодатель, или Бог. Однако, в отличие от иудеев - христианской традиции, Марк понимает Бога не как трансцендентное существо, вступающее в личные взаимоотношения с человечеством. Бог, согласно Марку, - это скорее имманентный разум, определяющий ход всемирной истории. Поскольку вселенная целиком и полностью разумна, постольку, заключает Марк, она является также и благой. Таким образом, полагать, будто нечто, случающееся в естественном порядке вещей, есть зло, значит совершать фундаментальную ошибку. Следовательно, стержнем учения Марка является некая разновидность космического оптимизма.

Стоицизм Марка Аврелия

Марк Аврелий занимается исключительно этическими проблемами и очень далек от всякой логики, физики и диалектики. Ведь задача заключается не в исследовании земных и подземных глубин, но в общении с внутренним демоном и честном служении ему.

Философия Марка Аврелия возникла из чувства полной беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости человека, доходящей до совершенного отчаяния и безысходности. Марк Аврелий дает прямо-таки классические выражения этому чувству: “Время человеческой жизни - миг ; ее сущность - вечное течение ; ощущение - смутно; строение всего тела - бrenно; душа - неустойчива; судьба - загадочна; слава - недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе - сновидению и дыму. Жизнь - борьба и странствие по чужбине ; посмертная слава - забвение”. Таких мест у Марка Аврелия можно найти множество. Сознание собственной слабости, беспомощности и ничтожества проявляются у императора Марка Аврелия.

Соответственно этому обостренному чувству тоски и отчаяния Марка Аврелия в невероятной степени возрастает обращение к божеству, вера в божественное откровение, вообще значение религиозного элемента в философии.

Марк Аврелий поощрял и официальный культ, тщательно выполнял все свои жреческие обязанности и усердно участвовал в языческих богослужениях. Но у Марка Аврелия дело никоим образом не ограничивается этой чисто формальной и гражданской религией. Очень напряженные, очень интимные, очень нервные отношения к божеству. Из всего этого хаоса и смятения, невероятного ничтожества и беспомощности человеческой личности есть, по Марку Аврелию, лишь один выход: обращение к божеству, внутреннее, интимное общение с ним, отрешение от всего внешнего, погружение в собственную душу. Марк Аврелий требует не просто стоической апатии и нравственного очищения речь идет не просто, как у древних стоиков, о том, что мудрец не должен волноваться ничем внешним, но о том, что все внешнее вообще не должно существовать для души и соприкасаться с ней. У Марка Аврелия еще нет сверхумного погружения в божественную сущность, но само это приближение говорит о необычайном возрастании роли религиозного у поздних стоиков.

В антропологии Марка Аврелия много моментов, сближающих его с платонизмом и закономерно включающих в ряд представителей стоического платонизма. Человек состоит из трех частей: грубой материи, или тела ; более тонкой материи, или жизненной силы, и третьей, нетелесной сущности - разума или духа, который и есть собственное *Я* человека.

Но у Марка Аврелия мы находим и множество ортодоксально стоических положений об автаркии, о независимости мудреца и т. д. В этом, между прочим, проявляется античный характер его философии, поскольку при всей своей мягкости и терпимости к человеческой слабости Марк Аврелий весьма далек от христианства. Достижение внутренней гармонии внутреннего порядка и покоя рассматривается как основная и единственная цель философии.

Необходимо сказать, что, несмотря на всю упадочность в оценках человеческого субъекта у Марка Аврелия, этот человеческий субъект кое-где выступает у него все же с эстетической терпимостью. Как-никак, Марк Аврелий все же мыслит возможность гармонического и вполне упорядоченного внутреннего состояния человека. Марк настолько низкого мнения о человеческой душе, что единственный выход для них - это только милость божья. Это - факт. И тем не менее у Марка Аврелия еще хватает внутренней силы для того, чтобы проповедовать какую-то *гармонию души*, пусть хотя бы и чисто моральную, причем эта гармония, несомненно, является для него чем-то *самодовлеющим*.

У Марка Аврелия все еще порой мелькает общеантичная влюбленность в красоту, в чистую и бескорыстную красоту, которая имеет значение сама по себе и которая ровно ни в чем не нуждается.

Природа для Марка выше искусства постольку, поскольку она есть и творящее и творимое одновременно, в то время как искусство в обычном смысле слова организует только Мертвую материю, и организация эта является только областью творимой, но никак не творящей. А там, где в человеке творящее и творимое совпадают, там создаются уже не обыкновенные искусства, но создается сам человек, так как внутренний и морально совершенный человек как раз и есть подлинное произведение искусства. Но такое подлинное произведение искусства является не чем иным, как продолжением и развитием все той же природы. Внутренний человек сам и своими силами создает свою внутреннюю красоту подобно тому, как и природа тоже создает свою собственную красоту сама и из своих собственных ресурсов. Такая эстетика, правда, не очень мирится с упадочной оценкой человеческого субъекта, которую мы находим в позднем стоицизме. Но для нас и эта черта является чрезвычайно важной и даже драгоценной. Ведь получается, что даже в периоды самого мрачного морализма античный человек все еще никак не мог забыть светлых и веселых идеалов беззаботной и самодовлеюще мыслящей общеантичной эстетики.

Но здесь и раскрывается одна из самых замечательных сторон личности Марка Аврелия : он как нельзя более далек от всяких утопий он сознательно их отвергает. Философия остается законом жизни, но философ должен понимать все несовершенство человеческого материала, всю крайнюю медленность усвоения людьми высших моральных и интеллектуальных истин, всю громадную силу сопротивления, заключающуюся в историческом быте. Нельзя насильственно обновить мир, ввести совершенный порядок, ибо никакой властитель не властен над мыслями и чувствами людей. Трагизм здесь лежит в роковом несоответствии между высотой настроения того, кто желает быть благодетелем человечества, и прозаичностью итогов.

Внимание к ребенку, идущее рядом с расширением прав женщин является лучшим показателем нового духа, который проникает законодательство империи.

Не менее чувствуется он в другой сфере - в признании и охране прав раба : говорить о нраве здесь, конечно, можно лишь в моральном, не юридическом смысле, - в последнем раб не мог быть субъектом права. Но это не мешало законодательству Римской империи обеспечивать его личность от посягательства на жизнь и честь, от жестокого обращения, обеспечить целостность его семьи, неприкосновенность его личного имущества, существенно ограничить, если не устранить, его продажу для борьбы ее зверями в амфитеатре и, наконец, всячески облегчать и поощрять отпущение на волю. Марк Аврелий предоставил в известных случаях рабам наследовать после своих господ. Значительно улучшилось также прежде весьма прекрасное положение вольноотпущенников.

Многие, но не все, этические выводы Марка прямо вытекают из его метафизики и теологии. Возможно, важнейший из них - призыв, то и дело повторяющийся на страницах “Размышлений” : поддерживать гармонию индивидуальной воли с природой. Здесь мы сталкиваемся со знаменитой стоической доктриной “мироприятия”. Данное учение работает на двух уровнях. Первый относится к событиям повседневной жизни. Когда некто обращается с тобой плохо, советует Марк, следует принять дурное обхождение, так как оно не может нам повредить, если мы сами этого не позволим. Это воззрение весьма близко, но не тождественно христианскому увещанию подставить “ другую щеку “. Иисус сказал о своих палачах : “Прости им, ибо они не знают, что творят“, и его утверждение отчасти мог разделить и Марк. Как и Иисус, он верил, что люди, вовлеченные в злодеяния, поступают так по неведению ; как и Иисус, он заявлял, что их поступок не следует объяснять некой порочностью их натуры. Скорее они поступают так, а не иначе, полагая, что действуют правильным образом, а значит, погрешат только в суждении. Но, в отличие от Иисуса, Марк не выставлял на передний план важность прощения. Куда больше его занимала внутренняя реакция жертвы злодеяния, и он не уставал подчеркивать, что никакой вред не может быть нам причинен вопреки нашей воле. Что бы ни случилось с твоим имуществом и даже с твоим телом, твое внутреннее и истинное “я” остается невредимым до тех пор, пока оно отказывается признать, что ему причинен ущерб.

Второй аспект доктрины “мироприятия” рассматривает жизнь и место индивидуума в мире. Из “Размышлений” явствует со всей очевидностью, что Марк без восторга относился к своему высокому положению римского императора. Он почти наверняка предпочел бы провести свою жизнь наставником или ученым. Но судьба поставила его императором, как она поставила Эпиктета рабом. Следовательно, его долг - принять свое положение в жизни и исполнять возложенную на него задачу в меру своих способностей.

Понятие судьбы представало для стоической философии проблемой. Если, как признавал Марк, вселенная управляется разумом и в силу этого всему случающемуся определенно случаться именно так, а не иначе, то остается ли место для свободы человека? Марк разрешает эту проблему, проводя тонкое различие. Если понимать под свободой выбор между равно открытыми альтернативами, то такой свободы, конечно же, не существует. Но у свободы есть и другое значение : принимать все происходящее как часть благого миропорядка и отвечать на события разумом, а не эмоциями. Индивидуум, живущий таким образом, настаивает Марк, является подлинно свободной личностью. Такой человек не только свободен, но еще и праведен. Так как разумность вселенной является основанием его благодати, все происходящее во вселенной должно только укреплять эту благодать. Следовательно, разумная личность, принимая события, не только отвечает на внешнее благо, но и вносит личный вклад в ценность мирового целого.

Стоическая концепция разума как мироправителя двусмысленна, и эта двусмысленность то и дело дает знать о себе в “Размышлениях”. С одной стороны, разум - это всего лишь объяснение того факта, что жизнь всецело материальной вселенной подчиняется несокрушиму закону. С другой стороны, разум истолковывается как вселенский ум, наводящий на мысль о существовании духа. Эта концепция вводит понятие Бога. Не подлежит сомнению, что в некотором смысле Марк был теистом, ибо он постоянно говорит о Боге словами, подразумевающими существование благого космического ума. Таким образом, мы подошли к главной теологической проблеме : как примирить материализм Марка с его теизмом?

Другой теологический вопрос, которому Марк уделяет немало места, это вопрос о смерти и бессмертии. Человек разумный не будет бояться смерти. Будучи природным явлением, смерть не может быть злом ; напротив, она причастна к благу, которое свойственно всякому природному явлению. После смерти мы просто перестаем существовать. Столетия, которые мы проведем в небытии после смерти, ничем не отличаются от столетий, проведенных нами в небытии до рождения. Но это еще не все. Марк разделяет

стоическую теорию бессмертия. Согласно этому взгляду, история космоса развивается не линейно, но циклически. (Эту доктрину часто называют учением о “вечном возвращении”). Эоны спустя вселенная подойдет к концу настоящей эпохи и будет ввергнута в состояние первоначального огня. Из огня возникает новая вселенная, которая с точностью повторит историю нашей вселенной. И так далее *ad infinitum*. Поэтому мы проживем те же жизни, какие живем сейчас.

Наша жизнь, обладающая напряженным личностным аспектом, в первую очередь является все же жизнью социальной. Каждый из нас живет в конкретном обществе и управляется его законами. Но, будучи существами разумными, мы подчиняемся также более высокому закону - закону природы. Этот закон касается каждого из нас, каким бы ни было общество, в котором мы живем. Согласно природному закону, все люди равны, будь ты император, раб или кто еще. Следовательно, мы вправе утверждать, что, как существа разумные, все люди - члены одного государства, управляемого одними и теми же законами. Знаменитый тезис Марка гласит : “Я Антонин, и мое отечество - Рим ; я человек, и мое отечество - мир” (“Размышления”, книга VI, раздел 44).

Часто говорили, что языческий мир произвел на свет двух “святых “. Первый из них - Сократ. Второй - Марк Аврелий. Марк заслуживает нашей памяти и уважения не столько возвышенным этическим содержанием своих “Размышлений”, сколько тем фактом, что ему удалось строить свою жизнь, часто в обстоятельствах чрезвычайно неблагоприятных, в полном согласии с предписаниями своей книжечки “мыслей к самому себе”.

Заключение

Философия даст человеку возможность постигнуть свое место в мире и исполнить свои обязанности. Она делает это, вовсе не требуя от своего последователя слепо замкнуться в учение единой школы : ничто так не чуждо Марку Аврелию, как дух философского сектантства и педантизма. Дело философии просто и скромно ; она не увлечет своего последователя на путь тщеславия. Может ли она, столь могущественная и царственная в глазах Марка Аврелия, переделать человека? Если порочность последнего вытекает из сознания, разве нельзя ему дать знание, переубедить? Теоретически Марк Аврелий это признает: человек не должен смотреть на своего согрешающего собрата, как на неисправимого, и, если ему не удастся удержать другого от зла, он должен обвинять самого себя. Это требование, которое не допустит человек до поспешных осуждений и недостойного гнева, но оправдывается ли жизненным опытом такая способность переубеждения? Опыт автора “Размышлений” не оставлял здесь для него места иллюзиям. “Люди будут делать то же самое, хотя бы ты перед ними разорвался на части”. Мораль основана на покорности человека природе в целом. Она создает то качество духа, которое Марк Аврелий называет простотой : человек должен быть простым. Здесь имеется виду не только отсутствие лишнего, тем более роскошного во внешней жизни, - этого рода простота представлялась Марку Аврелию делом здорового вкуса, но именно внутреннее настроение, чуждое всякой аффектации и раздвоенности. Ни философия, ни боги не предъявляют к людям преувеличенных требований. Не чувствуется ли здесь и утомление перед множеством условностей, которое несет с собой культура? Эта душа, беспритязательная и покорная провиденью, на зло может отвечать только добром. Марк Аврелий не перестает проповедовать кроткое благожелательное отношение к людям вообще, в том числе к врагам. “Люби человеческий род. Следуй богу”. Даже ненавидящие тебя - по природе твои друзья. Гнев, обезображивающий черты человеческого лица, искажает и наш духовный облик.

Жизнь для Марка Аврелия все более становится приготовлением к смерти, которой посвящено так много места в последних книгах “Размышлений”. И он встретил ее с глубоким спокойствием. В лагерной стоянке на берегу Дуная, около нынешней Вены, заболел он тяжелой болезнью, смертельный исход которой принимал сразу, и уже не принимал ни пищи, ни питья. Сыну своему Коммоду он завещал окончить войну и не покидать армии ; окружающим он напоминал о необходимости выполнить долг. Поручая Коммоду их заботам, он прибавил характерную оговорку: “если тот окажется этого достойным”. Было ли здесь бессознательное стремление уменьшить ответственность, лежавшую на императоре, который признал Коммоду наследником? Для Марка Аврелия монархическая наследственность могла быть лишь средством, не целью. Быть может, он и не видел вокруг себя других достойных преемников. Он представил Коммоду солдатам, сохраняя спокойное выражение лица при тяжком страдании ; вообще его выносливость в болезни поражала окружающих. Умер он 17 марта 180 г. совершенно один : даже сына он не допустил остаться у постели во избежание заразы.

Марк Аврелий всегда был так чужд какого-либо искания популярности ; после его смерти обнаружилось на каких глубоких и подлинных чувствах держалась его популярность. Он так часто в своих “Размышлениях” вскрывал всю тщету посмертной славы - теперь она была ему дана. По словам Геродиана, “не было человека в империи, который бы принял без слез известие о кончине императора. В один голос все называли его - кто лучшим из отцов, кто доблестнейшим из полководцев, кто достойнейшим из монархов, кто великодушным, образцовым и полным мудрости Императором - и все говорили правду”. По отзыву Капитолина, “таково было почтение к этому великому властителю, что в день его похорон, несмотря на общую скорбь, никто не считал возможным оплакивать его участь ; так все были убеждены, что он возвратился в обитель богов, которые лишь на время дали его земле. Когда еще не кончился торжественный обряд его похорон, сенат и римский народ провозгласили его “богом благосклонным”, чего не было раньше и что не повторялось позже. Был воздвигнут в честь его храм, установлена коллегия жрецов, получивших имя Антониниев. Не только ему воздавались божеские почести, но считали нечестивцами тех, кто не имел в своем доме его изображения”.

Со смертью Марка Аврелия умер и стоицизм. Точнее, началось бессмертие стоицизма. В той или иной степени, в той или иной форме стоицизм (уже не столько как философское учение, а как определенное настроение, определенный склад ума и характера) возрождался в истории неоднократно. Стоиками были английские пуритане, носители “духа капитализма” и основатели Новой Англии, у нас в России несомненным стоиком был протопоп Аввакум (измученная жена спросила его однажды : “Долго ли мука сея, протопоп, будет?” “До самая могилы, Марковна”, - ответил протопоп. Она же, вздохня, отвечала : “Добро, Петрович, ино еще побредем”) и многие, многие тысячи других...

Разумеется, стоики, как наиболее активная и твердая в своих убеждениях часть населения, в любой стране всегда составляли меньшинство. Но это было то социально значимое меньшинство, которому нередко удавалось переломить неблагоприятную ситуацию в лучшую сторону, хотя при этом - повторим еще раз - им самим почти никогда не удавалось воспользоваться плодами своей победы.

Вот почему сегодня нам, живущим в России и не желающим покидать свою страну ради сытной и комфортной жизни в чужих краях, философия стоиков необходима.

Кажется, этот тезис не нуждается в доказательстве. Итак, “ будь подобен скале : волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды ”.